

УДК 821.161.1

А.В. КИСТАНОВА,
*кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры мировой литературы и культуры имени проф. О. Мишукова
Херсонского государственного университета*

МИФОЛОГЕМА ГЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПУШКИНА: ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматриваются различные модификации мифологемы Гения в поэзии А. Пушкина, прослежена динамика их семантической наполненности: от духа, связанного с творчеством, до творческого дара, таланта. Отмечено, что мифологема Гения персонифицирует значимые для художественного сознания автора понятия, связана с женскими образами, с творчеством, в позднем творчестве демифологизируется.

Ключевые слова: гений, интерпретация, мифологема, преромантизм.

На рубеже XVIII–XIX вв. в русскую культуру приходит понятие «гений», ставшее в результате становления новой эстетики одной из знаковых поэтологических констант преромантического, а затем и романтического художественного сознания. Функционирующее изначально в виде мифологемы, в процессе развития понятие «гений» расширяет свое семантическое поле, в итоге результируясь в осмыслении «гения» как эстетико-философской идеи. Процесс трансформации мифологемы в идею отрефлексирован как в философско-эстетической мысли конца XVIII–XIX в., так и собственно в художественном творчестве русских поэтов, однако параллельно с расширением семантики понятие «гений» сохраняет и свое исконно мифологическое значение.

Феномен гения отчасти исследуется в работах, посвященных философии и эстетике, в частности, античной и преромантической [9; 11; 6; 10; 8; 18], психологии творчества [15; 22]. Становление и развитие понятия «Гений», также в философско-эстетическом аспекте, отрефлексировано в немногочисленных словарных статьях [3; 4; 12; 14; 23], но мифопоэтический подход к образу Гения, исследование его рецепции художественным сознанием рубежа XVIII–XIX вв. остается актуальным. Цель нашей статьи – рассмотреть модификации мифологемы Гения в творчестве А. Пушкина.

Отметим, что в эпоху античности в феномене гения слились греческие мифологические представления о «некоей неопределенной и неоформленной божественной силе... часто определяющей жизненную судьбу человека» [13, с. 366], низших божествах-посредниках между богами и людьми (по Гесиоду, «благодетельными демонами», хранителями человечества стали после смерти люди Золотого века [5, с. 120–130]) и образ римского божества – прародителя рода, который позже рассматривался как «персонификация внутренних свойств» человека [13, с. 272]. Таким образом, гений уже в римской литературе осмысливается как личное божество-хранитель, определяющее судьбу человека. Античная философия раскрывает двойственную природу гения, воспринимая его, с одной стороны, как «род иррационального вдохновения» [23, с. 107], ниспосылаемого богами (Сократ, Платон), а с другой – как «объективно существующее живое существо» [11], по Плотину, символизирующее всю внутреннюю бессознательную жизнь.

В литературе средних веков понятие «гений», маргинально существующее в литературе, обозначает в аллегорических поэмах и романах «жреца» при «божестве Природы»

[12], а через влияние ренессансной культуры с ее антропоцентризмом, индивидуализмом и идеей «обождения художника» в литературе Нового времени актуализируется обращение к феномену гения, под которым понимается творческая индивидуальность. Общим достоянием культурной Европы понятие «гений» становится, по словам С. Аверинцева, «в эпоху предромантизма, руссоизма, «бури и натиска» как боевой клич борьбы против школьных правил, за высвобождение творческой субъективности» [1, с. 115].

В русской словесности одним из первых «подходит к предромантической идее «гения» («особливого дарования», «природного духа стихотворческого», или «genie»)» [17, с. 143; 19, с. 17] Г. Теплов («О качествах стихотворца рассуждение», «Рассуждение о начале стихотворства», 1755), понимая его еще с классицистической точки зрения как оригинальность творчества, проистекающую, тем не менее, от подражания, следования поэта установленным нормам и правилам. Но, по мнению исследователей [8; 16], уже в классицизме с его высокой аксиологической оценкой античного наследия, эстетические дискуссии о категориях воображения, возвышенного, вдохновения подготавливали почву для нового, романтического осмысления феномена гения. Причем гений «трактровался как существо мифологическое или как один из атрибутов творца, либо свойства произведения» [8, с. 95]. В 1795 г. критик М. Баккаревич выводит своего рода «формулу» гения, обобщая в ней мифологические и философско-эстетические представления своего времени: «Жени есть некая зиждущая сила души, некий животворный огонь, которым движимый человек выходит из круга обыкновенных смертных и, подобно парящему орлу, устремляется к лучезарному храму бессмертия» [цит. по: 16, с. 150]. В этой формуле получают выражение и мифологическая рецепция гения как духа, и неординарность личности гения по отношению к окружающим, и иммортологическая идея о преодолении гением смерти и достижении бессмертия. Таким образом, будучи «интериоризированным», феномен гения все же «не прерывает связи с Гением как традиционным представлением-мифологемой» [14].

Поэтические тексты рубежа XVIII–XIX вв. репрезентируют актуализацию мифологемы гения в художественном сознании русских авторов, причем интерпретации мифологемы отличаются большим разнообразием. К числу основных модификаций можно отнести: 1) гений в исходном мифологическом значении как дух-хранитель, «рождавшийся вместе с человеком» [13, с. 272]; 2) гений как дух, посредник между человеком и Божеством, проводник воли и откровений последнего; 3) гений как творческий дар; 4) гений как неординарная личность, достигшая совершенства в какой-либо области. Показательно, что различные варианты трактовки мифологемы могут наблюдаться и в пределах одного текста.

В поэзии А. Пушкина образ Гения реализуется преимущественно в двух ипостасях: как дух, непосредственно связанный с творчеством, как правило, спутник поэта либо как творческий дар, талант. Отметим, что эти модификации образа гения являются доминантными для романтического художественного сознания. Поэты обращаются к изначально заложенным в мифологеме представлениям о «творческой природе Гения как силы вдохновения, озарения» [14], результатом чего является персонификация творческого дара в образе гения-божества, часто невидимого крылатого существа.

Именно таким представляется гений лирическому субъекту в стихотворении «Городок», его появление связано с сумерками, вечером, ночью как наиболее плодотворным в творческом отношении временем суток. Эту же связь можно проследить и в стихотворении «Тень Фонвизина», когда «Уже сокрылся ясный день, / Уже густела мрачна тень, / Уж вечер к ночи уклонялся» [21, I, с. 140], и лишь поэты не предавались объятиям Морфея. В стихотворении «К ней» присутствие гения обусловлено молодостью и любовью, а в послании «Чаадаеву» «своенравный (читай «романтический» – А.К.) гений» поэта возможно обуздать при помощи рационального начала, более характерного для мировосприятия просветителей: порядком, «тихим трудом», «вниманьем долгих дум» [21, II, с. 47]. Интересно, что в «Протоколе двадцатого арзамасского заседания» (1817) В. Жуковский также связывает образ гения с просвещением, и, рисуя видение будущего «Журнала арзамасского», в эмблематическом духе изображает врата, «лики славных» в тучах, над которыми «с яркой звездой на главе гением тихим неслося / В свежем гражданском венке божество – Просвещение» [7, I, с. 294].

Отметим, что эмблематическая традиция изображения абстрактных понятий в образах античных божеств, актуальная для ушедшего века, находит свое выражение и в творчестве А. Пушкина. В частности, это относится к персонификации в образе Гения понятий, знаковых для художественного сознания поэта и отвечающих его творческим задачам. Как представляется, данная модификация мифологемы связана с широким распространением в дворянской среде французского языка: так, В. Соловьев отмечает, что во французском слово «гений» обозначает «дух сложных и собирательных явлений» [4].

Так, в оде А. Пушкина «Вольность» встречаем «Рабства грозный Гений» [21, I, с. 283], что, во-первых, отвечает риторической традиции, а во-вторых, рефлексировать просветительские взгляды, которым в свое время отдал дань поэт. В стихотворении «Царское Село» посредством персонификации акцентирован мотив памяти: «Воспомянь», «давно знакомый гений», рисует лирическому субъекту «волшебные места», связанные с жизнью души [21, I, с. 328]. В посвящении к поэме «Кавказский пленник», адресованном Н. Раевскому, воспоминания о Кавказе открывают автору целый мир, подчеркнута экзотический, и, в результате, вдохновение воплощается в образе «дикого гения», который за счет сходных синтаксических конструкций сближается по экспрессивности с «воинственным разбоем», рыскающим в горах [21, IV, с. 81]. Примечательно, что А. Пушкин связывает образ Гения с мотивом памяти и в послании «Овидию», в котором именно память потомков обладает способностью воскресить «слабый гений» поэта [21, II, с. 64].

В духе поэтической традиции конца XVIII – начала XIX в. (М. Муравьев, Н. Карамзин, М. Милонов, В. Жуковский, К. Батюшков), А. Пушкин представляет Гения как духа-хранителя (стих. «Кюхельбекеру»), как доброго духа смерти, связанного с музой и творчеством (стих. «Мечтатель»).

В творчестве А. Пушкина отражается и устойчивая традиция представления в образе Гения женщины, возлюбленной или подруги (М. Карамзин, И. Дмитриев, К. Батюшков). Так, в стихотворении «Городок» лирический герой А. Пушкина называет «добрым гением» предмет своей любви [21, I, с. 90], в стихотворении «Ек. Н. Ушаковой» лирический герой уже не столь уверен в благосклонности адресата послания, которая номинирована как «злой или добрый гений» [21, III, с. 11], вследствие чего акцентируется противоречивость женской натуры и вместе с тем, амбивалентность природы гения как духа. Связь иррациональной составляющей мифологемы Гения с женскими образами отмечаем в стихотворениях «Ее глаза» («задумчивый гений» [21, III, с. 63], олицетворяющий женскую натуру) и в хрестоматийном «Я помню чудное мгновение...». Отметим, что А. Пушкин несколько в ином ключе интерпретирует образ «гения чистой красоты», созданный В. Жуковским («Я Музу юную, бывало...», 1824, «Лалла Рук», 1821), который в художественном сознании старшего поэта выступает «символом поэзии, поэтического вдохновения» [20, с. 461]. «Победитель-ученик», говоря словами В. Жуковского, также связывает гения и вдохновение, но в семантику образа включается сравнение с возлюбленной. В результате, в сознании каждого русского человека «гений чистой красоты» прочно ассоциируется с образом женщины.

Интерпретация гения как духа, связанного с творчеством, находит свое выражение в стихотворениях «В альбом Илличевскому», посланиях «Шишкову», «К Жуковскому», «Княгине З.Н. Волконской». Так, в стихотворении, адресованном В. Жуковскому, избранником «крылатого гения и грации» А. Пушкин называет Г. Державина, а промчавшийся над лирическим героем гений поэтов-предшественников указывает ему цель в «туманах отдаленья» [21, I, с. 171–174]. В послании «Козлову» образ гения как духа творчества связывается А. Пушкиным со слепотой, которая, «сокрывая мир земной», отворяет мир вдохновения, способна провести поэта в минувшее, сделать его причастным «светлым привиденьям», гениям других поэтов (Гомера, Дж. Мильтона) [21, II, с. 226].

Связь мифологемы Гения с образом конкретного поэта прослеживается в стихотворении, посвященном уходу со сцены трагической актрисы Е. Семеновой, «Все так же ль осеняют своды...», где автор выражает надежду на ее возвращение и верит, что П. Катенин воскресит для нее «Эсхила гений величавый». В таком контексте мифологема начинает утрачивать свое первоначальное значение и становится синонимом понятия «талант, творческий дар», о чем свидетельствуют такие стихотворения, как «Война», «К другу стихотвор-

цу», «Моему Аристарху», «Андрей Шень», «19 октября», «К Вяземскому» и другие. Отметим и стихотворения, где под гением понимается просто талантливый человек («Недоконченная картина», «Возрождение», «К морю» и др.).

Мифологическая составляющая образа гения продолжает реализовывать себя в несколько ином образе, в результате чего он начинает тяготеть к своему первоначальному значению демона, который в древнегреческой мифологии «приравнивается к судьбе, все события человеческой жизни находятся под его влиянием» [13, с. 366]. Вновь создаваемый образ сочетает черты гения и демона, выступая как хранитель, спутник человека и, вместе с тем, «некая неопределенная и неоформленная божественная сила, злая или (реже) благодетельная» [13, с. 366]. В творчестве А. Пушкина это иллюстрируется стихотворением «Демон» (1823), в котором «злбный гений», посещающий лирического героя и отравляющий душу «язвительными речами», ассоциируется автором с гетевским духом отрицания [21, II, с. 144]. Похожую интерпретацию гения наблюдаем в стихотворении Е. Баратынского («В дни безграничных увлечений...», 1831): «В дни безграничных увлечений, / В дни необузданных страстей / Со мною жил превратный гений, / Наперсник юности моей» [2, с. 188].

Окончательное снижение и демифологизацию претерпевает образ Гения в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836), где лирический герой среди «праздных урн и мелких пирамид» купцов и чиновников созерцает «безносых гениев», «дешевого резца нелепые затеи», противопоставленных тихому и величавому покою сельского родового кладбища [21, III, с. 338].

Таким образом, в творчестве А. Пушкина мифологема Гения в целом реализуется в контексте ее восприятия русской поэзией конца XVIII – начала XIX вв. В отдельных стихотворениях прослеживаются традиционные для авторов XVIII в. модификации мифологема как духа-хранителя, персонификации абстрактных идей. Развитие понятия «гений» обуславливает изменения его семантики: от духа, связанного с творчеством, до творческого дара и талантливого человека. Мифологическая компонента либо демифологизируется, либо трансформируется в понятие «демон», более характерное романтическому художественному сознанию.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / С.С. Аверинцев // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.
2. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. / Е.А. Баратынский; ред., коммент. и биогр. ст. Е. Куприяновой, И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. – Л.: Советский писатель, 1936. – Т. 1. – 366 с.
3. Гений // Краткий религиозно-философский словарь: более 550 слов. ст. [Электронный ресурс] / Л.И. Василенко. – М.: Истина и жизнь, 2000. – 255 с. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/188>
4. Гений // Толковый словарь по философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/188>
5. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод; пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко [Электронный ресурс]. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0300.shtml
6. Гилберт К. История эстетики / К. Гилберт, Г. Кун. – М.: ИИЛ, 1960. – 686 с.
7. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / В.А. Жуковский. – М.; Л.: Гос. Изд-во худож. Лит., 1959–1960. – Т. 1. Стихотворения / вступ. ст. И.М. Семенко, подгот. текста и прим. В.П. Петушкова. – 485 с.
8. Каменка-Страшакова Я. Творческий гений как категория эстетики и этики в романтической культуре / Я. Каменка-Страшакова // О Просвещении и романтизме: Советские и польские исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – С. 93–108.
9. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 161–529.
10. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с.

11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1986. – 766 с. – Режим доступа: <http://www.psylib.ukr.net/books/lose006/index/htm>
12. Махов А.Е. Гений / А.Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий [Электронный ресурс]. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – Режим доступа: <http://www.intrada-books.ru/mahov/genius.html>
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 1. – 672 с.
14. Михайлов А.В. Гений / А.В. Михайлов // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1 [Электронный ресурс]. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – 447 с. – Режим доступа: <http://velikanov.ru/culturology/cover.asp>
15. Оганесян Н.Т. К проблеме авторства поэтического произведения [Электронный ресурс] / Н.Т. Оганесян // Журнал практической психологии и психоанализа. – № 3. – сентябрь. – 2003. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p>
16. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и преромантизма: Эволюция и типология / А.Н. Пашкуров. – Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2004. – 212 с.
17. Пашкуров А.Н. М.Н. Муравьев-критик о гении / А.Н. Пашкуров // Критика и ее исследователь. Сборник, посвященный памяти проф. В.Н. Коновалова / сост.: Л.Я. Воронова, В.Н. Крылов. – Казань: Казанский гос. Ун-т, 2003. – С. 51–59.
18. Первушина Е.А. Категория «гений» в эстетике английского просветительского классицизма [Электронный ресурс] / Е.А. Первушина // Другой XVIII век. Сборник научных работ / отв. ред. Н.Т. Пахсарьян. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002 // Режим доступа: <http://www.natara.msk.ru/biblio/sborniki>
19. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: монография / А.В. Петров. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. – 286 с.
20. Петушков В.П. Примечания / В.П. Петушков // Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. – М., Л.: Гос. Изд-во худож. Лит., 1959–1960. – Т. 1. Стихотворения. – 485 с.
21. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. Лит. (Пушкин. Дом); Текст проверен и примеч. Сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. – Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1977–1979. – Т. 1. Стихотворения, 1813 – 1820. – 1977. – 479 с.; Т. 2. Стихотворения, 1820 – 1826. – 1977. – 399 с.; Т. 3. Стихотворения, 1827–1836. – 1977. – 495 с.; Т. 4. Поэмы. Сказки. – 1977. – 447 с.
22. Сироткина И.Е. Мозг гения [Электронный ресурс] / И.Е. Сироткина // Человек. – 1999. – № 4–5. – Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/vv/PAPERS/MEN/GEN_BRAIN.HTM
23. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

У статті розглядаються різноманітні модифікації міфологеми Генія у поезії О. Пушкіна, простежено динаміку їх семантичної наповненості: від духа, пов'язаного з творчістю, до творчого дару, таланту. Відзначено, що міфологема Генія персоніфікує значущі для художньої свідомості автора поняття, сполучається із жіночими образами, з творчістю, у пізній творчості деміфологізується.

Ключові слова: геній, інтерпретація, міфологема, преромантизм.

The article considers various modifications of mythologem of Genius in O. Pushkin's poetry, retraces dynamics of their semantic fullness: from the spirit related with creativity to giftedness, talent. It is mentioned that mythologem of Genius personifies notions that are significant for the author's artistic consciousness, is associated with women images, creativity, and it is demythologized in O. Pushkin's late poetry.

Key words: Genius, interpretation, mythologem, Preromanticism.

Одержано 21.01.2013.